

## Глава первая

### Апрель 1856 года

Богатое имение Червинских, что под Нежином, пробуждалось рано поутру. Десятки дворовых, подгоняемых управляющим Яковом, поспешно брались за работу, да и хозяин усадьбы, Петр Иванович Червинский, человек деловой, залеживаться не любил.

Но в окна одной из комнат уже вовсю били снопы солнечно-го света, когда прелестная юная девушка потянулась там в своей постели и открыла глаза. Звали ее Катерина, и была она крестницей барыни, Анны Львовны. На лице девушки все еще играла навеянная снами улыбка, но тут же она спохватилась и упрекнула себя за позднее пробуждение — крестная, может быть, уже спрашивала о ней. Катерина вскочила с кровати, стройная и легкая, в тонкой рубашке, почти прозрачной в солнечных лучах.

В тот же миг на улице раздались свист кнута и бабий вой. Бросившись к окну, Катерина увидела, как управляющий Яков протяжно, с удовольствием охаживает кнутом дворового мальчишку. Вокруг, не зная, как подступиться, носилась мать, причитая, умоляя, крича:

— Меня бей, его не трожь, ирод!

«Мать Небесная! С самого утра-то!» — перекрестилась Катерина. От каждого удара парнишка весь сжимался, извивался, неистово голося, но уже после пятого кнута весь покрылся кровью, от рубахи его остались одни ключья. И вот он обмяк в беспамятстве.

Мать мальчика, заходясь в рыданиях, рухнула на колени перед Яковом, обхватила его ноги руками.

— А ну, пшла вон! — Яков пнул ее коленом в лицо. — И до тебя очередь дойдет!

Та повалилась навзничь, но тут же в иступленном порыве подалась вперед, чтобы накрыть сына своим телом.

Теперь уже Яков свистел своим кнутом над обоими, без разбору. Наконец он устал, остановился, тяжело выпрямился, схватившись за поясицу, и тут заметил в окне побледневшую Катерину. Злобная гримаса возникла на его лице столь естественно, словно то было не сиюминутное выражение, но обыкновенный его облик.

Ненависть в его взгляде оказалась так велика, так осязаема, что Катерину словно бы отбросило от окна. Прижав руку к нательному крестику, она устремилась к иконе и пала пред ней на колени.

«Владычица Мати Бога моего, — шептала она, обратив свои большие светлые глаза к вечной надежде скорбящих, — на Тебя одну уповаю, умягчи сердца всех злых людей. Дай силы и терпения всем несчастным, в неволе находящимся. Защити меня, сироту, оставшуюся без отца и матери, от ненависти и злобы людской, мир сей переполняющей. Вручаю себя милостивому покрову Твоему. Аминь».

Трижды перекрестившись, Катерина закрыла лицо руками. Скорчившееся, окровавленное тело мальчика так и стояло у нее перед внутренним взором.

Хозяйка дома Анна Львовна Червинская, дама полная и в летах, но сохранившая следы былой красоты и особенно элегантности, пробудилась сегодня в тревожном предчувствии. Даже от чая изволила отказаться, к изумлению кухарки Павлины, не понимавшей, как же можно пренебречь «сниданком», ежели подан он был с мармеладом.

Но делать нечего, пришлось Павлине разворачиваться с полным подносом и шествовать обратно на кухню. Там, сокрушенно вздыхая, она принялась расставлять по местам не пригодившиеся лакомства и посуду — и чуть не выронила чашку из рук, наткнувшись на Катерину, которая вошла на кухню, еще подавленная утренним зрелищем.

— Тыфу на тебя, свербигузка! — вырвалось у кухарки.

— Грех это, Павлусенька, ругаться с самого утра! — почти машинально произнесла Катерина, ничуть не испугавшись этой напускной суровости.

— А после обеда не грех? — проворчала себе под нос Павлина, поставив злополучную чашку на место. — А что это ты будто укуса напилась? — наконец повернулась она к Катерине.

— Яков снова лютует... — тяжело вздохнула та, и тень набежала на ее высокий чистый лоб, а тонкие губы напряженно сжались.

— Вот же ж зверюка дикая, чтобы его черти взяли! — от всей души выругалась Павлина. Будучи вольной и прожив в доме Червинских несколько десятков лет, она не стеснялась иметь собственное мнение и при случае его высказывать.

— Павлуся! Не говори так.

Катерина снова вздохнула: бранью тут не поможешь. Да и чем можно помочь? Яков послушен воле хозяина, Петра Ивановича, а тот очень уж строг с крепостными. И мысли Катерины устремились к другой ее заботе:

— Как там крестная?

— Не спрашивай. — Кухарка лишь кивнула на невостребованный мармелад.

Все поняв, девушка поспешила в гостиную. Катерина считала Анну Львовну, воспитавшую ее, сироту, с самого младенчества, названной матерью и все тревоги своей благодетельницы принимала близко к сердцу.

Анна Львовна стояла у окна — недвижно, как изваяние.

— Крестная... — позвала ее Катерина, — вы как будто мыслями где-то далеко-далеко.

Анна обернулась, и взгляд ее потеплел.

— Семь лет прошло, как Гришенька уехал в столицу. Пока в Петербурге был, писал часто. А как на войну отправился, то все реже, реже... Потом и вовсе перестал.

— Он вернется! — стала горячо убеждать ее Катерина.

— А вдруг нет? — отрешенно возразила Анна Львовна, и на ее молодом лице вмиг проступили все морщины. — Война закончилась. Черниговский полк уже вернулся, а от Гриши ни

весточки... — Она снова повернулась к окну. — Я сегодня сон дурной видела.

— Какой сон?

— Ворон черный во двор к нам прилетел. Я его прогнать пытаюсь, а он сидит и смотрит на меня не мигая. Страшно так смотрит... Катенька! — Анна Львовна приложила к губам платок, словно боясь тех слов, что хотели с них сорваться. — А вдруг Гриша, не приведи Господь...

— Мы будем молиться за него, — искренне пообещала Катерина то единственное, что могла предложить.

— Я каждую секунду молюсь. За сына своего единственного, ненаглядного, — прошептала Анна Львовна тающим голосом.

Не зная, чем утешить любимую крестную, печаль которой отзывалась у нее в душе, Катерина вспомнила о последнем средстве:

— Крестная! А хотите... хотите, я вам почитаю?

— Не в настроении я сейчас, Катюш, для высокого слога... Хотя... — подумав, согласилась Анна Львовна, — почитай, пожалуйста, пока Петр Иваныч не вернется.

Они присели на диван, и Катерина привычным жестом раскрыла «Руслана и Людмилу»:

— Младой Ратмир, направляя к югу нетерпеливый бег коня...

Поместье Александра Васильевича Дорошенко было одно из крупнейших в округе и считалось весьма доходным хозяйством, под стать тому, которым владел Петр Червинский. Впрочем, в отличие от своего друга и соседа, Александр Васильевич особой деловой хваткой не обладал, а с крестьянами, по мнению многих, слишком уж либеральничал. Но такова была его натура, мягкая не по доброте душевной, а скорее от некоторого безволия, а внешне он очень походил на святого Николая, каким его рисуют на старинных иконах, разве что куда дороднее, и одевался изящно, «по-городскому».

Что касается Петра Ивановича, тот, сухой и поджарый, больше напоминал охотничью борзую. Сегодня он, как часто бывало, заехал к соседу в гости, и они привычно устроились на свежем воздухе, попивая кофе и обсуждая последние новости.